

**1812 ГОД:
ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ
НА ВОСПРИЯТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ВОЙНЫ**

При рассмотрении вопроса о том, какое влияние оказала Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813 – 1814 гг. на русское общество, исследователи конца XIX – начала XX вв., а также и советские историки приходят, на наш взгляд, к одним и тем же выводам, при этом по-разному их формулируя в соответствии с теми или иными идейными установками, делая акцент на тех или иных аспектах.

Наиболее схожи выводы исследователей в том, что Отечественная война 1812 г. поставила вопрос о русском национальном самосознании. А.Н. Пыпин в работе «Общественное движение при Александре I» утверждает: «Давно стали сознавать у нас, что Двенадцатый год был эпохой в истории нашего внутреннего развития в том отношении, что с него начинается сильный поворот к национальному сознанию, что русская жизнь с этого времени, оставив прежнюю подражательность, выходит на дорогу народности, что литература с этих пор принимает национальный характер, а первый поэт, выросший под впечатлениями знаменательного времени, был Пушкин».¹

В многотомном издании «История СССР» читаем: «...Передовая русская интеллигенция явственно ощутила величие и мощь своего народа. Патриотический порыв и великий подвиг народных масс произвели на нее сильное впечатление... Подвиги русских людей в борьбе с вражеским нашествием, их беззаветная храбрость и героизм, их гражданское мужество заставляли дворянскую молодежь по-новому оценить русский народ, пробуждали национальную гордость.

Представители старшего поколения прогрессивной интеллигенции стремились принять активное участие в военных действиях».²

Одновременно Отечественная война 1812 г. и заграничные походы рассматриваются исследователями конца XIX – начала XX вв. как события, поставившие перед русским обществом проблемы его внутреннего социально-политического устройства. По словам В.О. Ключевского, война 1812 г. и заграничные походы вызвали в русском обществе «необыкновенное политическое и нравственное возбуждение».³ «...По окончании войн общество было возбуждено более, чем в начале царствования, и ждало от правительства продолжения начатой им внутренней деятельности, а правительство было утомлено и не хотело его продолжения. Так общество и правительство разошлись между собой больше, чем расходились когда-либо; вследствие этого поднятое движение ушло внутрь общества и здесь получило революционное направление».⁴

А.Н. Пыпин пишет: «Тот умственный и общественный переворот, который из Франции распространился на всю Европу, коснулся своими последними влияниями и России: в образованной части общества этот переворот отразился значительным умственным движением, которое усилилось от непосредственных встреч, дружеских и враждебных с европейским Западом. В русском обществе является новый вопрос, который обозначал для него первые признаки зрелости: это был вопрос об его устройстве, причинах и последствиях этого устройства, о средствах к его исправлению и усовершенствованию».⁵

Советские же историки, характеризуя послевоенное русское общество, отмечали в нем нарастание межклассовых противоречий и прогрессивного революционного течения, в основе которых лежал крестьянский (об отмене крепостного права) вопрос. Академик Н.М. Дружинин писал в связи со 150-летним юбилеем войны: «Отечественная война 1812 г. и заграничные походы в конечном счете углубили классовые противоречия крепостной России и усилили прогрессивные течения в рядах дворянства. Революционное общество декабристов выросло из впечатлений 1812 – 1815 гг., на фоне нарастания антикрепостнического крестьянского движения в стране, на основе дальнейшего послевоенного роста капиталистических отношений. ...Процесс оформления русской нации сделал гигантский шаг вперед; он сопровождался разработкой детальных планов социально-политического освобождения страны и первой революционной попыткой их осуществления».⁶

Авторы «Истории СССР» утверждали, что «война углубила идейное размежевание в русском обществе.. И если крепостники-помещики для сохранения своего классового господства сразу после войны постарались еще туже затянуть узел, связывавший руки народу, то их идейные противники из числа передовой дворянской интеллигенции от осуждения царского деспотизма и крепостной неволи решительно перешли к борьбе за освобождение народа. За 1812 годом последовал 1825-й!».⁷

Разница между приведенными мнениями заключается в том, что изменения, произошедшие в обществе после событий 1812 – 1814 гг., историки конца XIX – начала XX вв. относили ко всему русскому обществу, подразумевая под ним дворянское сословие, интеллигенцию, военных и другие социальные группы, но не народ в целом, тогда как советские историки относят их только к передовой части русского общества, при таком же, в общем-то, понимании состава русского общества. Тем самым в советской историографии русское общество делится довольно четко на передовую его часть и реакционную, т.е. противоречие высвечивается более ярко. Одновременно в мнениях советских историков о влиянии Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов на русское общество отмечается именно крестьянский вопрос как один из важнейших, если не главных, возникших в русском обществе и во внутренней политике после 1814 г. Историки же конца XIX – начала XX вв., отмечая роль русского

народа в войне, говорят в основном о насущности внутригосударственных преобразований в целом, к числу которых относится и вопрос о крепостном праве. При этом ими отмечается «народность» как общественный вопрос 1820 – 1830-х гг., в который вкладывается не столько политико-экономическое значение, как советскими историками, сколько социокультурное. На наш взгляд, акцентирование внимания советскими историками на крестьянском вопросе является достаточно основательным, хотя зачастую оно и было чрезмерным. При этом нами учитывается не только восстание декабристов, но и обстоятельства формирования государственной идеологии в 1830-е гг., которое происходило и под влиянием событий 1812 – 1814 гг., и внутригосударственные меры, принятые в области решения крестьянского вопроса при Николае I.

В целом политика Александра I после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов оценивается как охранительная, реакционная, отмеченная неудачными реформами – учреждением военных поселений и объединением Министерства народного просвещения с ведомством духовных дел. «С этого времени получает серьезное значение политика народного просвещения, полиция умов становится серьезным вопросом; она выразилась в целом ряде тревожных мер, принятых для того, чтобы дать надлежащее направление литературе и народному образованию, т.е. школам».⁸ Одновременно, в русском обществе сохранялось, и даже усиливалось, ожидание реформ и преобразований системы внутригосударственного устройства.

После окончания заграничных походов во время царствования Александра I государственная власть не проявляла интереса к теме Отечественной войны 1812 г. В.О. Ключевский отмечал, что «на правительстве отразилось то настроение, с которым вышел из пережитых опасностей его глава».⁹ «Конец наполеоновских войн повел за собою новые черты в настроении Александра, – пишет А.Н. Пыпин. – Воротившись в Россию после долговременного отсутствия, законченного блестящими триумфами, он как будто охладил к России: европейская политика заслонила домашние интересы, в которых он не находил удовлетворения и где он должен был окончательно осознать себя бессильным для какого-нибудь широкого преобразования... Всего больше внимания оказывал Александр только к военным делам, именно по связи их с европейской политикой...».¹⁰ А.Г. Тартаковский полагает, что «Александра I... связывали с 1812 г. самые мрачные ассоциации – ослабление в чрезвычайных военных условиях режима неограниченной власти, падение личного авторитета и острая, разделяемая царской семьей критика в его адрес в разных слоях общества, угроза смещения с престола, еще более реальная, чем в послетильзитский период. Даже заграничные походы, в которых царь после смерти Кутузова играл главенствующую роль, особенно в 1814 – 15 гг., вознесшие его как победителя Наполеона, “освободителя” и миротворца Европы на вершину мировой славы, не могли сгладить тяжкие впечатления лета и осени 1812 г.».¹¹

А.И. Михайловский-Данилевский в записках о вступлении на престол Николая I, составленных в 1826 г., рассуждая о распространении в России либеральных идей «по причине нахождения многих русских за границею» и «несоответственности применения сих либеральных понятий к России», делает вывод: «Я думаю, что для достижения сей цели можно бы было употребить средство, которое у нас вовсе было пренебрежено и даже до такой степени, что я не постигаю, как мы сами об оном не вздумали, а именно возбудить в писателях и в художниках всякого рода желание прославить подвиги отечественной и заграничной войн».¹²

При Александре I не был осуществлен ни один государственный проект создания истории Отечественной войны 1812 г., хотя замыслы написания были у Н.М. Карамзина, Ф.В. Ростопчина и А.С. Шишкова.¹³ Большинство сочинений по истории войны в этот период исходит даже не из общественной, а из армейской среды.

А.Г. Тартаковский характеризует 1810-е гг., как период мемуаротворчества¹⁴, причем многие из трудов имели национально-патриотический, публицистический характер.¹⁵ В 1820-х гг., как установил исследователь, наблюдается спад мемуаротворчества.¹⁶

С другой стороны, правительством принимались меры по созданию художественных памятников событиям войны 1812 г. В 1817 г. состоялась закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, в 1818 г. был издан рескрипт о постановке памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли, в 1819 г. Д. Доу начинает работу над портретами генералов 1812 – 1815 гг.

С начала 1830-х гг. тема войны 1812 г. все больше и больше оказывается в сфере государственных интересов. Одним из направлений внутренней политики в царствование императора Николая I стало разрешение крестьянского вопроса. «Новый император, – пишет В.О. Ключевский, – с начала царствования имел смелость приступить и к крестьянскому вопросу; но он разрешил вести его тайно от общества, чисто бюрократическими средствами».¹⁷ При этом правительство сделало, на наш взгляд, один существенный шаг, а именно – заявило о своем намерении решения крестьянского вопроса публично, сделав это с помощью теории официальной народности и обеспечив таким образом относительную стабильность внутри государства и поддержку обществом правительства.

Рассматривая взаимосвязь теории официальной народности и темы войны 1812 г., А.Г. Тартаковский высказывает мнение, что «апелляция к нему была использована для подкрепления краеугольного положения “теории” – тезиса о патриархальной природе российского самодержавия, покоящегося на безграничной преданности крестьян помещикам, а всего народа – верховной монархической власти, которая отечески печется о своих подданных».¹⁸ А.Г. Тартаковский, кажется, несколько иронично относится к такой опеке. Однако заслугой С.С. Уварова, по нашему мнению, стало то, что он включил именно «народность» в

качестве одной из составляющих в известную формулу, выражающую первоначально направление внутренней политики государства. Провозглашение «народности» означало, на наш взгляд, открытое признание правительством (вслед за обществом) народного (крестьянского) вопроса, обозначившегося в русской жизни после событий 1812 – 1814 гг., и одновременно принятие правительством на себя обязанностей по решению этого вопроса. В этом смысле понятным делается и отеческое попечение монархической власти о своих подданных. Ц.Х. Виттекер пишет: «Уваров провозгласил идею народности, чтобы создать новую общую платформу и объединить государство, народ и просвещенную элиту в поисках самобытных и возможно более действенных, чем найденные в Европе, решений современных проблем».¹⁹ Он же приводит мнение С.С. Уварова по вопросу об отмене крепостного права: «К такому многосложному вопросу следует приступать с величайшей осторожностью. Это дерево пустило далеко корень: оно осеняет церковь и престол. Вырвать его с корнем невозможно. Надо постепенно. Довольно теперь пустить мысль эту в оборот, чтоб поколения приготовились постепенно к ее восприятию...».²⁰ Близко к этому и высказывание В.О. Ключевского: «Чтобы приготовить развязку крепостного вопроса, правительство Николая задумало облегчить ее косвенным средством, дать казенным крестьянам такое устройство, которое, подняв их благосостояние, вместе с тем служило бы и образцом для будущего устройства крепостных крестьян».²¹

Таким образом, провозглашение теории официальной народности явилось своеобразной идеологической подготовкой решения крестьянского вопроса. Теория отражала, в определенной мере, общественные настроения 1820 – 1830-х гг., однако, преодолев временные рамки, превратилась в государственную идеологию Российской империи и просуществовала до начала XX в.

Проведение реформ правительством Николая I соответствовало тем ожиданиям, которые сохранялись в обществе после Отечественной войны. Идеи, выраженные в удачной формуле «православие – самодержавие – народность», в дальнейшем были перенесены и на саму Отечественную войну, в значительной степени при опоре на те патриотические настроения, которые долгое время сохранялись в русском обществе и после 1814 г. (в 1830-х гг., как определил А.Г. Тартаковский, вновь наблюдается расцвет мемуарной литературы о войне²²). Проекция эта выразилась в «тезисе о единении всех сословий вокруг престола», который стал, по мнению советских исследователей, «основополагающим тезисом дворянской концепции».²³

Затруднительно сказать, подкрепляла ли теория тезис или было наоборот – настолько это взаимосвязанный и сложный процесс.

Ряд мероприятий в этот период было приурочено и к 25-летнему юбилею войны. При этом в правление Николая I сюжеты войны подверглись сильной мифологизации, и окончательно сложилось национально-патриотическое направление в изучении

войны, «и отношение к этой войне в духе национализма и специфического патриотизма сделалось традиционным».²⁴

При Николае I правительством осуществлялись как историографические, так и художественные проекты по увековечению памяти войны 1812 г., в которых Николай I проявлял личную инициативу.

По высочайшему повелению А.И. Михайловский-Данилевский составил «Описание Отечественной войны в 1812 г.». «24 февраля 1836 г. датирован царский рескрипт, а уже 29 января 1838 г. Михайловский-Данилевский переслал Чернышеву... рукопись...».²⁵ Сочинение это, помимо приведенного тезиса, в том или ином виде присутствующего в различных местах текста, содержит и целую главу о народной войне, главной идеей которой стала идея покорности: «При удивительном единодушии, воспламенявшем все сословия, не колебалась безусловная покорность к властям... Никто не ослабевал при несении трудов и чрезвычайных издержек. Каждый действовал по способностям и состоянию, кто советом, кто иждивением, кто оружием и жизнью; все силились преодолеть врага, но общественный порядок оставался ненарушимым, святость законов неприкосновенною. Без неволи и принуждения отправляли тяжкие повинности, ополчались за родину, переносили несчастья, как действия гнева Божия, безропотно, с христианским смирением, и великое ружельство силу государства – покорность начальству и помещикам, ни в коем случае не прерывались».²⁶ Сочинение имеет существенные ошибки в изложении фактов, но «под пером официального историка война 1812 года обращается в эпопею...».²⁷ Сама форма подачи материала – в виде многотомного труда и описание войны с первых и до последних дней придают работе монументальный характер, а сама война становится событием пафосным и пиететным. Николай I принимал непосредственное участие в редактировании рукописи.

Говоря о написании сочинений о войне 1812 г. в этот период, хотелось бы сказать и о деятельности известного публициста Ф.Н. Глинки. Отношение к нему исследователей советского периода как к неумолимому поборнику «священной памяти 12-го года» выразил А.Г. Тартаковский: «Замечательно просветительно-демократическое по своему существу понимание Ф. Глинкой движущих сил войны и общественного назначения ее истории. Обращенная ко всем сословиям и прославляющая их героизм, она призвана содействовать нравственно-патриотическому просвещению народа и послужить наглядным уроком для военачальников и правителей».²⁸ В 1839 г. были изданы «Очерки Бородинского сражения» Ф.Н. Глинки. Советский историк Л.Г. Бескровный назвал их «серьезной исторической работой, содержащей прежние прогрессивные идеи автора».²⁹

Небезынтересным будет сравнить его высказывание с характеристикой книги в рецензии В.Г. Белинского. Критик, как и Л.Г. Бескровный, высоко оценивает эту книгу, однако подчеркивает иные ее достоинства, чем историк: «Она не есть сочинение ученое ни в военном, ни в историческом смысле и не

обогатит ни военного писателя, ни историка новыми фактами. Она даже не имеет достоинства рассказа, в порядке и картинно изложенного... Но его книга, не будучи ни военною, ни историческою, может назваться поэтической. Если она не впечатляет в уме нашем полной, художественно оконченной и замкнутой картины Бородинской битвы, зато она покажет вам всю поэзию, всю мистическую таинственную сторону его, даст самое верное понятие о его всемирно-историческом значении...».³⁰

В 1832 г. был высочайше утвержден проект храма Христа Спасителя. В 1838 г. начали класть фундамент, а в сентябре 1839 г. была совершена закладка храма в присутствии Николая I. В 1834 г. в Петербурге и Москве были сооружены триумфальные арки в честь успехов русских армий в Отечественной войне. В 1837 г. перед Казанским собором установили памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли.

В ноябре 1835 г. состоялось высочайшее повеление на имя министра финансов Е.Ф. Канкрин о сооружении монументов на главнейших полях сражений войны 1812 г. В докладе Генерального штаба от 17 декабря 1835 г. генерал-лейтенант Ф.Ф. Шуберт сообщал военному министру генерал-адъютанту А.И. Чернышеву: «... Во исполнение сей высочайшей воли, имею честь представить Вашему сиятельству список сражений, на местах коих, по моему мнению, прилично поставить предложенные памятники...

Вместе с сим поставляю долгом представить на благоусмотрение Вашего сиятельства относительно составления помянутого списка и выбора мест для памятников следующее:

1) Памятники могут быть разделены на два класса, в отношении к величине и фигуре их, сообразно важности самих сражений или степени влияния оных на последовавшие за ними действия. Принимая во уважение сии обстоятельства, должны быть ознаменованы воздвижением памятников следующие места сражений: 1-го класса: с. Бородино, с. Тарутино, г. Малоярославец, г. Красный, д. Студенки; 2-го класса: д. Салтановка, д. Клястицы, с. Городечно, с. Смоленск, г. Полоцк, м. Чашники, г. Вязьма...».³¹

В ответ директор канцелярии Военного министерства сообщил Ф.Ф. Шуберту 23 декабря 1835 г., что «государь император, рассмотрев заключающиеся в... докладе предположения, высочайше повелеть соизволил:

1) Памятников сих воздвигнуть 16.

2) По важности мест, где следует соорудить означенные памятники, разделить их на три класса, причислив к первому Бородино, ко второму Тарутино, Малоярославец, Красный, Студенки, Клястицы, Смоленск, Полоцк, Чашники, Ковно и Кулаково и к третьему Салтановку, Городечно, Вязьму, Витебск и Кобрин...».³²

9 мая 1837 г. на Бородинском поле состоялась закладка памятника, а 26 августа 1839 г. – его открытие. К открытию были приурочены маневры, проходившие на поле 29 августа. Их описание содержится в «Записке Витебского, Могилевского и

Смоленского генерал-губернатора князя Голицына»: «Три дня спустя была воспроизведена Бородинская битва, именуемая сражением под Москвой. Войска были расставлены на тех же местах; как тогда стояла холодная погода. Сражение, начатое атакой селения Бородино, с полною точностью воспроизвело все фазы этого памятного дня. Все сохранившиеся его укрепления брались по несколько раз обратно. По всей линии поддерживался сильный огонь, напоминавший убийственный и страшный огонь этой битвы гигантов... Единственное отличие этого сражения состояло в том, что император, с драгунским корпусом повторявший передвижения кавалерии Уварова на правом фланге, повел его настолько решительно, что он зашел в тыл неприятельской армии, движение, которое, будь оно тогда исполнено, быть может, и привело бы к этому результату...».³³

Обращение к теме войны 1812 г. при формировании в 1830-е гг. теории официальной народности отмечается различными исследователями. Так, Л.Н. Киселева указывает: «Вряд ли можно утверждать, что провозглашению "триады" предшествовала заранее разработанная стратегия официальных политических и идеологических жестов, которые должны были бы ее скрепить. Тем не менее на 1833 – 1834 гг. приходится ряд важных акций такого рода: создание национального гимна, путешествие императора Николая по России, празднование совершеннолетия наследника, открытие Александровской колонны в Петербурге и др., нашедших продолжение и в последующие годы (в частности, нагнетание официального культа Отечественной войны и его апогей – "бородинская годовщина" 1839 г.)».³⁴

Отметим, однако, что формирование культа войны в этот период со стороны государства имело, как говорилось выше, и опору в русском обществе.

В 1840 – 1850-х гг. тема Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов становится менее актуальной и для правительства и для общества.

Обращение к ней правительства происходит во время Крымской войны 1853 – 1856 гг. с целью возбуждения патриотических настроений. Одновременно с началом войны ассоциации с 1812 г. возникали и в различных слоях населения. 23 ноября 1853 г. Ф.И. Тютчев писал жене: «...Пробуждение совершается, и начинают понимать... В сущности, ведь это для России возобновление 1812 г., и нападение, на нее направленное, будет, может быть, также грозно, даром, что оно не воплощается в одном человеке, и таком великом человеке, каков был первый Наполеон».³⁵ В январе 1855 г. было объявлено о созыве всероссийского ополчения. В связи с этим вышло несколько брошюр, содержащих упоминания о событиях 1812 и 1812 гг.³⁶ В дневнике И.М. Снегирева 16 февраля 1855 г. записано: «Я ездил в Дворянское собрание на выборы ополчения. Избрали А.П. Ермолова, ему кричали ура...».³⁷

После окончания Крымской войны интерес правительства к войне 1812 г. был обусловлен стремлением погасить

пораженческие настроения, тем более что и само общество испытывало в этом потребность. По мнению А.Г. Тартаковского, «в первые годы после поражения в Крымской войне боль уязвленного национального чувства продолжала жить в общественном сознании, возбуждая воспоминания о 1812 г., которые в 1862 г. вспыхнули снова в связи с 50-летним юбилеем Отечественной войны».³⁸ К 26 августа были приурочены коронация Александра II в 1856 г. и открытие памятника тысячелетию России в Новгороде в 1862 г. В 1857 – 1860 гг. вышла работа М.И. Богдановича «Описание Отечественной войны 1812 г.», изначально нацеленная на привлечение внимания общества и вызвавшая в нем неоднозначную реакцию.

Как и события 1812 – 1814 гг., Крымская война поставила перед обществом проблемы, касающиеся социально-политического и государственного устройства России. И тогда, и теперь в обществе нарастали ожидания перемен и преобразований. Поэтому с 1860-х гг. ход военных действий в 1812 – 1814 гг. все меньше привлекал к себе внимание, а начало развиваться новое направление в историографии Отечественной войны 1812 г., проявляющее интерес к общественной и политической жизни того времени, к межличностным отношениям, бытовым эпизодам 1812 – 1814 гг. Все это объясняется отчасти влиянием романа Л.Н. Толстого, а также некоторыми общими тенденциями развития исторической мысли в пореформенное время: с середины XIX в. начинается изучение императорского периода русской истории. С 1860-х гг. в журналах «Русская старина» и «Русский архив» печатались письма государственных, военных и общественных деятелей периода Наполеоновских войн, война начинает восприниматься не только как событие в истории России, но и как событие в жизни отдельных людей. Начинает ослабевать восприятие войны через государственную идеологию.

С конца XIX в. стали издаваться документы по войне 1812 г., хранящиеся в государственных архивах. Особенность этих изданий состоит в том, что составители сборников стремились к изданию документов в полной мере: по всем вопросам или всех документов архива, относящихся к войне.

Издание документов в столь широком масштабе можно объяснить несколькими причинами: 1) стремлением составителей сборников преодолеть сложившуюся национально-патриотическую традицию в изучении войны путем предоставления исследователям наибольшего числа первоисточников; 2) малоизученностью систем делопроизводства и документооборота XVIII – XIX вв., а следовательно, невозможностью авторами-составителями сборников решить вопрос об отборе документов для публикации, хотя при этом они в полной мере понимали ценность документа как исторического источника и важность его опубликования; 3) отношением к войне как одному из значительных событий русской истории, в силу чего составители стремились к монументальности издания; 4) интересом самого общества к архивным документам как первоисточникам.

В начале XX в. национально-патриотическое направление в историографии Отечественной войны 1812 г. перестает быть единственным: наряду с ним развивается научное, или критическое, направление в изучении истории войны. Однако нельзя сказать, что первое представляло позицию только государства, а второе – только общественности. Оба направления так или иначе нашли свое отражение в работах исследователей войны, деятельности различных исторических обществ, а также сословных и государственных учреждений и ведомств. Столкновением этих двух направлений в изучении войны отчасти характеризуется историографическая ситуация конца XIX – начала XX вв.

Ярким примером такого столкновения стала ситуация, развернувшаяся вокруг полковника Николая Петровича Поликарпова. 10 мая 1901 г. он был назначен заведующим Особого делопроизводства по описанию Московского отделения Общего архива Главного штаба и приведению его в порядок³⁹, а 6 декабря 1907 г. утвержден в должности заведующего архивом⁴⁰. При открытии главной задачей делопроизводства было поставлено описание дел по Отечественной войне 1812 г., однако через два года программа была радикально изменена, и описание дел по войне прекратилось.⁴¹ В докладе, представленном в мае 1908 г., Н.П. Поликарпов сообщал о ходе описания дел архива и делал предложение о продлении срока деятельности особого делопроизводства, в том числе и в связи с приближающимся юбилеем Отечественной войны 1812 г. В докладе сообщалось: «До юбилея Отечественной войны необходимо иметь описанными и приведенными в порядок все хранящиеся в отделении дела и документы по Отечественной войне и, для популяризации их, напечатать каталоги».⁴²

С 1910 г. Н.П. Поликарпов собирал материал по войне по просьбе Московского отделения Императорского Русского военно-исторического общества, действительным членом которого он являлся. Сенсационным стало его выступление на заседании общества 1 апреля 1911 г., посвященное войне 1812 г. и предстоящему юбилею. Он заявил: «Насколько мне известно, мы, как ни горько в этом сознаться, остаемся ко дню юбилея в неведении фактической стороны Отечественной войны 1812 г. Шуму относительно чествования этого юбилея много, даже очень много; предложений и проектов, в большинстве неосуществимых по их величавой помпезности и сопряженным с этой помпезностью значительным денежным затратам, имеется тоже не мало».⁴³

Одним из самых показательных был взгляд Н.П. Поликарпова на Бородинское сражение, к которому он пришел, изучая архивные документы: «Для большинства война 1812 г. олицетворяется Бородинским сражением, признаваемым всеми великим и даже святым событием, касаться которого считается чуть ли не кощунством, и внешнее проявление чествования юбилея Отечественной войны сводится, как кажется, к чествованию Бородинского сражения. Но если на это сражение посмотреть не с

точки зрения большинства, а под углом зрения исторической истины, то окажется, что оно было великим и святым событием только в духовном или в моральном отношении, ... но в тактическом, а тем более в стратегическом, отношении Бородинское сражение не было великим событием». ⁴⁴ В частности, оно не стало переломным моментом в ходе войны. ⁴⁵

По окончании доклада командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П.А. Плева указал докладчику, что «если у него... были в руках какие-либо документы, проливающие свет на боевые действия наших войск, то он, по долгу военнослужащего, обязан был представить их своему начальству и уже с разрешения последнего делать на основании этих документов те или другие доклады». ⁴⁶ По его мнению, полковник Поликарпов «стремился разрушить установившийся уже в течение чуть ли не ста лет общий взгляд на Отечественную войну 1812 г. и на отдельные события этой войны, как у русских военных историков, так и у иностранных писателей... Выступление полковника Поликарпова с его докладом было к тому же нетактично: докладчиком явилось лицо, принадлежащее к армии, доклад был сделан в собрании, в которое допускаются и гражданские лица, мог вызвать и вызвал нежелательные печатные отзывы в повременных изданиях». ⁴⁷ Отзывы на доклад Н.П. Поликарпова действительно были напечатаны не только в российских, но и французских газетах: «Paris-Journal», «La Presse Associée» и других. ⁴⁸

Расследование, проведенное начальником Административного отдела Главного штаба генералом В.В. Бонч-Осмоловским, в том числе и по исполнению Н.П. Поликарповым должностных обязанностей, закончилось для него строгим выговором, как говорилось в приказе «из внимания лишь к прежней усердной службе полковника». ⁴⁹ На полях текста доклада В.В. Бонч-Осмоловского начальник Главного штаба генерал от инфантерии Н.П. Михневич наложил резолюцию: «Обвиняю полковника Поликарпова в том, что он, занимаясь частными работами, небрежно относится к возложенным на него работам по службе... Сообщения полковника Поликарпова я не одобряю ни с ученой точки зрения, ни с военной. Погоня за мелочной славой – сказать о великом историческом событии что-нибудь неожиданно-новое – задача не благодарная и достойна серьезного осуждения». ⁵⁰

По поводу выступления Н.П. Поликарпова действительный член ИРВИО М.К. Соколовский в статье, помещенной в «Русском инвалиде», писал: «...Приснопамятная година Отечественной войны – святая страница в истории России. Народ проявил умиленное единение с царем (Курсив наш. – Авт.), армия, эта вечная молчаливица, встретила могучую поддержку в народе... Поднялись земледельцы. Опоясалось на брань духовенство. Купцы размотали свои кошельки, раскрыли свои амбары. И все это слилось воедино, образовав могучий напор национального чувства.

И вот славный, завидный юбилей расцвета этого благородного чувства мы собираемся праздновать. Конечно, мы и в тот тяжкий час испытанья много наделали ошибок. Промахи неизбежны во всем человеческом явлении. Но эти промахи заслоняются общею красотой и высоким подъемом национального чувства. И теперь, когда юбилей близится к нам все быстрее, не омрачим его какими-то особыми, никому не ведомыми документами, способными будто бы перевернуть все наше воззрение на эпоху Двенадцатого года, хотя это воззрение вырабатывалось сотнею лет. Тем более, пусть никто не услышит голоса из военной среды о тризне по Двенадцатом годе». ⁵¹

Между тем национально-патриотическое направление в освещении войны становилось преобладающим в многочисленных изданиях и книгах для народного чтения (для низших городских и народных училищ, народных читален и библиотек, публичных народных чтений) издательства «Сельский вестник» и других.

Чествованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. был придан характер всенародного празднования. Координацию всех мероприятий осуществляла высочайше утвержденная междуправительственная комиссия под председательством генерала от инфантерии В.Г. Глазова (ранее занимал должность министра народного просвещения), высочайшее соизволение на учреждение которой последовало 7 мая 1910 г. ⁵²

В советское время интерес государственной и партийной властей к Отечественной войне 1812 г. возник в конце 1930-х гг. в связи с нарастанием угрозы войны с Германией. Необходимость пропаганды славного военного прошлого России и боевых традиций русской армии, а также военно-патриотического воспитания населения страны способствовала изданию и переизданию популярных книг и брошюр по истории войны. К концу Великой Отечественной войны одним из наиболее пропагандируемых сюжетов войны 1812 г. стала полководческая деятельность М.И. Кутузова, в том числе, или в основном, благодаря и личному интересу к ней И.В. Сталина.

Автор последней работы по историографии Отечественной войны 1812 г. И.А. Шеин отмечает: «В годы войны И.В. Сталин тщательно проработал первое (1941 г.) издание... книги Брагина «Полководец Кутузов». Судя по пометкам, оставленным на экземпляре из его личной библиотеки, содержание книги оказалось созвучно собственным убеждениям главы государства. <...> В сталинской концепции М.И. Кутузову отводилось главенствующее положение. Его образ в свете очевидных исторических аналогий более всего подходил советскому генералиссимусу для возвеличивания собственной роли освободителя Отечества от иноземных захватчиков». ⁵³

На сентябрь 1945 г. пришлось двухсотлетие со дня рождения М.И. Кутузова. В том году были изданы, а в 1946 и 1947 гг. переизданы, тезисы ЦК ВКП(б) «Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летней годовщине со дня рождения», прошли научные сессии, посвященные М.И. Кутузову. ⁵⁴

В 3-м номере журнала «Большевик» за 1947 г. было опубликовано ответное письмо И.В. Сталина от 23 февраля 1946 г. начальнику кафедры истории войн и военного искусства Военно-педагогического института полковнику Е.А. Разину. В письме содержалась оценка тезисов полковника о войне и военном искусстве и указывалось, что в них «отсутствует раздел о **контрнаступлении** (Так в тексте. – Авт.)..., контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. <...> Очень хорошо знал об этом наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления».⁵⁵

Публикация этого письма обязывала советских историков, как и во многих других подобных случаях, приступить к глубокой разработке указанного вопроса. С этого времени, то есть с конца 1940-х гг. и вплоть до начала 1980-х гг. положение о контрнаступлении М.И. Кутузова занимало центральное место в историографии войны 1812 г.⁵⁶

Участие СССР во Второй мировой войне привело к переоценке частью советских историков, во главе с Е.В. Тарле, внешней политики царской России. В мае – июне 1944 г. в ЦК ВКП(б) проходило секретное совещание историков, созванное в связи с письмом в ЦК партии А.М. Панкратовой, в котором говорилось, что часть историков, в том числе Е.В. Тарле, уклоняется от марксистско-ленинских позиций и положительно оценивают внешнюю политику царского правительства, а также содержалась просьба помочь разобраться советским историкам в сложившейся ситуации. Однако ЦК не осудил взгляды оппонентов А.М. Панкратовой, так как «высшее руководство партии во главе со Сталиным вполне одобряло наметившуюся еще в довоенные годы тенденцию восхваления территориальных захватов царской России, а стало быть, и идеологию великодержавия в историографии... Только после окончания Великой Отечественной войны в советской историографии окончательно утвердилась тенденция оправдания войн царской России и идеализация ее внешней политики. Особенно она проявлялась в конце 40-х – начале 50-х гг. в обстановке «холодной войны» и борьбе с т.н. «космополитизмом».⁵⁷

Отечественная война 1812 г. и заграничные походы также давали повод для проведения аналогий между историей России в XIX в. и современной историей. Часть историков положительно оценивала это событие (ярче всего эта позиция отразилась в работах П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного), в результате чего походы стали называться «освободительными». Одновременно такая точка зрения приводила в какой-то мере к отказу от классового подхода, ибо усматривалось сходство между событиями последней войны, которую вело рабоче-крестьянское Советское государство, и военными действиями 1812 – 1814 гг., которые вела армия

дворянско-крепостнической Российской империи. «Проявлявшаяся ранее тенденция к приукрашиванию отечественной истории, – писал Н.А. Троицкий, – теперь обрела гипертрофированные формы», «из <...> конъюнктурно-«патриотических» соображений идеализировались в биографической литературе 1970-х гг. (при полном забвении классовых критериев оценки) царские военачальники – герои 1812 г.».⁵⁸

О монографии П.А. Жилина «Гибель Наполеоновской армии в России» (М., 1974) Н.А. Троицкий высказался так: «Главный источник недостатков, которыми она изобилует, – это стремление ее автора непременно приукрасить все русское, “наше”, хотя бы и феодальное. Жилин так и пишет о царской армии времен Александра I: “наши войска”».⁵⁹ И далее: «Классовую борьбу в России 1812 г. он полностью игнорирует: даже само понятие “классовая борьба” в его труде отсутствует».⁶⁰

Таким образом, Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813 – 1814 гг., а точнее – вопросы внутригосударственного устройства, которые возникли под их влиянием в русском обществе в 1810 – 1820-е гг., способствовали росту социальных противоречий и, как следствие, складыванию в 1830-е гг. теории официальной народности. Однако влияние войны и заграничных походов на формирование теории не было ни непосредственным, ни единственным. В свою очередь теория официальной народности, ставшая государственной идеологией российской империи, наряду с общественными настроениями, повлияла на изучение войны и ее мифологизацию.

Примечания

- ¹ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1918. С. 291.
- ² История СССР. Т. IV. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. М., 1967. С. 145 – 146.
- ³ Ключевский В.О. Сочинения. Т. V. М., 1989. С. 209.
- ⁴ Там же. С. 223 – 224.
- ⁵ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 11.
- ⁶ Дружинин Н.М. Историческое значение Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 58.
- ⁷ История СССР. Т. IV. С. 150, 151.
- ⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. С.215.
- ⁹ Там же. С.210.
- ¹⁰ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 44.
- ¹¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 183.
- ¹² Михайловский-Данилевский А.И. Записки о вступлении на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. № 11. С. 510 – 511.
- ¹³ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 161 – 163.
- ¹⁴ Там же. С. 173.
- ¹⁵ Там же. С. 181.
- ¹⁶ Там же. С. 186.
- ¹⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 248.
- ¹⁸ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 193.
- ¹⁹ Виттекер Ц.Х. Граф С.С.Уваров и его время. СПб., 1999. С. 124.
- ²⁰ Там же. С. 120.
- ²¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 250 – 251.
- ²² Там же. С. 213.
- ²³ Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г.: История темы. Саратов, 1991. С. 14.
- ²⁴ Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе // Отечественная война и русское общество. Т. VII. СПб., 1912. С. 300.
- ²⁵ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 206.
- ²⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб., 1839. Т. 3. С. 127 – 128.
- ²⁷ Алексеев В.П. Указ. соч. С. 304.
- ²⁸ Тартаковский А.Г. У истоков русской историографии 1812 года // История и историки. М., 1981. С. 70.
- ²⁹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 26.
- ³⁰ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1953. С. 350.
- ³¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 205. Л. 3об., 4.
- ³² Там же. Л. 2, 2об.
- ³³ «Записка Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора князя Голицына» // Русская старина. 1891. Январь. С. 108 – 109.
- ³⁴ Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. М., 1997. С. 279.
- ³⁵ Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк). М., 1874. Ст. 296.
- ³⁶ Дружинин Н.М. Всеобщее ополчение России за веру, царя и Отечество, или Русские ратники во время императора Александра I и ныне царствующего Александра II. М., 1855; Фукс В. Три ополчения земли Русской (1612, 1812 и 1855 годов). СПб., 1856.
- ³⁷ Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Ч. II. 1853 – 1865. М., 1905. С. 35.
- ³⁸ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 233.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 39. Л. 46, 46об.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3624. Л. 1, 1об.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3827. Л. 1.
- ⁴² Там же. Л. 11.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 63, 64.

- ⁴⁴ Там же. Л. 73, 74.
- ⁴⁵ Там же. Л. 67.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 9об.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Л. 21, 21об.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 370. Л. 34об.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3987. Л. 7.
- ⁵¹ Там же. Л. 16.
- ⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 526. Л. 30.
- ⁵³ *Шейн И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 109.
- ⁵⁴ Там же. С. 110.
- ⁵⁵ Сталин И.В. // *Большевик.* 1947. № 3. С. 8.
- ⁵⁶ См., например, работы: *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М., 1950; *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1952; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951; *Он же.* Отечественная война 1812 года. М., 1962.
- ⁵⁷ *Чапкевич Е.И.* Советская историография 20 - 50-х годов внешней политики России // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки.* М., 1996. С. 431 - 432.
- ⁵⁸ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 61, 65.
- ⁵⁹ Там же. С. 67.
- ⁶⁰ Там же. С. 69.